

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Владимир Андриенко
Шут императрицы
Ледяная свадьба

Владимир Андриенко

**Шут императрицы:
Ледяная свадьба**

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Андриенко В. А.

Шут императрицы: Ледяная свадьба / В. А. Андриенко —
«ЛитРес: Самиздат», 2009

Второй роман серии "Шут императрицы" посвящен дальнейшим приключениям итальянского музыканта Пьетро Мира, который стал одним из шутов знаменитой кувыр коллегии при императрице Анне Ивановне. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Владимир Андриенко

Шут императрицы: Ледяная свадьба

Глава 1

Враги светлейшего герцога Бирона.

В 1737 году война России с Турцией и Крымским ханством продолжалась. Фельдмаршал Миних с армией в 70 тысяч человек переправился через Днепр и двинулся к крепости Очаков. 2 июля Очаков пал и в нем Миних оставил русский гарнизон под командой генерала Штольфена. Тем временем вторая русская армия под командой фельдмаршала Ласси снова вошла в Крым. Но, несмотря на все победы русского оружия, кампания 1737 года окончилась ничем из-за больших людских потерь. Миних снова отступил. Армии отошли на винтер-квартиры...

Год 1737, декабрь, 17-го дня. Санкт-Петербург.

В покоях герцога Бирона.

Эрнест Иоганн Бирон, светлейший герцог Курляндский, двора русского обер-камергер, императрицы Анны Иоанновны фаворит, призвал к себе в покои шута придворной кувыр коллегии Пьетро Мира, более известного как Адамка Педрилло¹, и банкира митавского Лейбу Либмана, двора её императорского величества обер-гофкомиссара. Те явились незамедлительно. Бирон стал самой большой силой при дворе. Теперь с ним считались все.

На герцоге в этот день был кафтан серебристой парчи, голубая кавалерская лента через плечо, пышный седой парик. На камзоле и пряжках его башмаков сверкали драгоценные камни.

– Прошу садиться, господа! Есть у меня до каждого из вас дела неотложные. Ты, Лейба, недавно подарил мне целое состояние именуемое – гора Благодать, что на Урале находится!

– То результат поездки моего протеже фон Штемберга по заводам Уральским. И состояние то будет только умножаться. Но деньги, получаемые с того предприятия, я советую тебе, Эрнест, как ранее делалось, в мой банк переводить.

– Пусть так и будет, Лейба. Но мне неотложно требуются 50 тысяч рублей, друг мой. Завтра доставишь требуемую сумму ко мне.

Бирон произнес это тоном, не терпящим возражений. Но не таков был митавский еврей, чтобы просто так расставаться с деньгами.

– К тебе, Эрнест? Но я всегда распоряжался твоими деньгами. Если есть платежи, то пришли своего кредитора ко мне. Так всегда делает твоя жена.

– Сейчас я должен заплатить сам, Лейба. В Петербург прибыли бароны из Курляндии. Это те, кто голосовал за меня. Они теперь мои подданные и я обещал им денежные раздачи. Я дал слово герцога.

– Но такая сумма! Эрнест!

– Лейба, мне нужны сии деньги! Кроме всего прочего, обещал я выделить средства на орган для лютеранской кирхи Петра и Павла, дабы могли единоверцы мои молиться, как им подобает.

– Но, если в моей кассе сейчас нет таких денег? Что прикажешь делать?

¹ Родился в Неаполе сын скульптора. Приехал в Россию в начале царствования императрицы Анны Иоанновны ко двору как музыкант. Музыкальная карьера не сложилась. Попал в канцелярию герцога Бирона, Мира согласился быть шутком и, благодаря остроумию и находчивости, сделал блестящую карьеру придворного шута. Стал любимым шутком императрицы, был её неизменным карточным партнёром. Уехал из России с большим состоянием после смерти императрицы (1740).

– Не ври, Лейба! Такие деньги у тебя есть. Ведь вы со Штембергом ограбили и Демидова, и Турчанинова, и Строганова на Урале. И Штемберг поехал туда с полномочиями от меня. И на него, и на тебя поступило три десятка жалоб о притеснении русских промышленников и заводчиков. И я им хода не дал.

– Хорошо, – сдался еврей. – Получишь требуемую сумму завтра. Но тебе следует умерить свои аппетиты, и аппетиты твоей жены, светлейшей герцогини Бенингны Бирон. Только вчера я оплатил её счет в 23 тысячи золотом! Её наряды слишком дорого обходятся государству.

– Говорить с Бенингной трудно, Лейба. Она мне надоела своими причитаниями по поводу того, что она теперь герцогиня и должна сменить весь гардероб и все драгоценности. Анна подарила ей третьего дня со своей шеи бриллиантовое ожерелье. Я заказал ей подвески, брошь и перстень. И ей все мало.

– Но такие траты, Эрнест! Это возмутительно. Я финансист, а не волшебник! Деньги надобно зарабатывать. А ты и императрица неумеренны в тратах!

– Не ворчи. Ты ведь получил все, что от меня просил. Твои протеже командуют в России промышленностью и горным делом. Ты наложил руку на сибирские меха. Это не дает прибыли?

– Дает! Но за сие я вам плачу и плачу щедро. Недавний маскарад во дворце обошелся в 67 тысяч рублей и деньги на него нашел я. На жалование конному лейб-регimentу 10 тысяч также нашел я.

– Хорошо. Императрица помнит о твоих услугах. Я же, со своей стороны, стану следовать твоим советам, Лейба.

– Ты часто говорил это! Но никогда не выполнял. И Петер вчера приходил ко мне за деньгами, – Либман посмотрел на Мира. – Он положил свои сто тысяч в мой банк и деньги его уже работают. Они вложены в выгодное коммерческое предприятие в Австрии. Но ему нужно 14 тысяч рублей для певички Дорио. Они с сеньором Франческо Арайя соревнуются в дороговизне подарков для этой гулящей девки. И меня сие возмущает.

– Петер? – спросил Бирон с улыбкой Пьетро. – Ты все еще раб сеньориты Дорио?

Мира развел руками. После того как Пьетро выполнил приказ Бирона по устранению Левенвольде, дружеские отношения между укрепились.

– Последние несколько месяцев, и ты Эрнест, и ты Петер, перестали мне помогать. Вы занимаетесь собой. Эрнест лошадьми. Петер сеньоритой Дорио и скандалами с сеньором Арайя. Про сие ходит уже множество анекдотов и императрица немало довольна ими. Смех при нашем дворе – это хорошо. Здесь спорить нечего. Но вы оба забыли, что у вас есть враги!

– Левенвольде мертв, благодаря Петеру, а Остерман присмирел, – самодовольно заявил Бирон. – Миних далеко от Петербурга воюет с турками. Какие у меня могут быть враги? Все придворные у меня в кулаке! Принц Брауншвейгский ловит каждое мое слово. Принцесса Анна Леопольдовна кланяется мне до земли!

– Остерман еще силен и своих попыток свергнуть тебя не оставит, – Либман поднял вверх указательный палец.

– Но Остерман болен, и скоро умрет! – проговорил Мира. – Дошло до того, что его на заседание кабинета возят на коляске.

– Прикидывается. Этот Остерман хитрая бестия. Он всех нас еще переживет. Да и Миниха следует опасаться. Этот фельдмаршал честолюбие имеет огромное.

– Но он далеко от столицы, – возразил Бирон.

– Но его люди здесь. Так что тебе, Эрнест, и далее следует укреплять свое положение в России. Твой трон в Курляндии пока еще шаток. И для укрепления оного следует тебе кое-что сделать.

– И что же?

– А не женить ли твоего старшего сына Петра на Анне Леопольдовне? – предложил банкир. – Ты провозгласишь его наследником короны Курляндии. Мы проведем сие решение через ландтаг, и можно предложить сей прожект императрице.

Бирон посмотрел на банкира. Уж не тронулся ли тот умом? Пьетро Мира был согласен с герцогом. Принцесса Анна Леопольдовна была, по велению императрицы, той кто будет носить во черве своем будущего наследника короны Романовых. А если Петр Бирон станет её мужем, то и отцом императора России.

– Но здесь находится будущий муж Анны Леопольдовны принц Антон Брауншвейгский! Ты забыл?

– Ничего я не забыл, – ответил Бирону Лейба. – Но принц Антон всего лишь жених. Он не муж! И его можно отправить обратно в Вену, откуда он приехал.

– И как сие сделать? Посол Австрии сразу взбелениться. Барон Остейн и так постоянно докучает мне вопросом, когда же свадьба принцессы и принца?

– Все можно переменить, Эрнест. Сие Остерман это бракосочетание устроить желает.

– Лейба! Ты зарвался! – остановил банкира герцог. – Императрица того не поддержит! К тому же мой старший сын Петр на пять лет младше принцессы! Анна желает наследника и чем скорее тем лучше! Потому скоро будет свадьба принца Брауншвейгского и принцессы Анны.

– Значит, ты и пробовать не станешь? – строго спросил банкир.

– Не стану. Этот прожект неосуществим, Лейба. Да и зачем нам этот брак? И так я первый человек в империи. Все что я скажу, Анна сделает.

– Но Анна не долговечна, Эрнест! Медики предрекают ей скорую смерть. Она болеет! И сколько еще протянет? Год? Два? Пусть три! А потом? Что будет с тобой и с нами, если к власти придет Елизавета?

– Но Анна назначила наследницей принцессу Анну Леопольдовну!

– Хорошо, а если власть возьмет Миних и станет за спиной Анны Леопольдовны?

– Да что ты все каркаешь как ворон! – возмутился Бирен. – Сколько можно!

Если бы герцог Бирен знал, что все, что предсказал и предположил Либман в скором времени сбудется, он бы отнесся к его словам с большей серьезностью. Но нам не дано видеть будущее...

Бирон поправил кружева на своих манжетах и произнес:

– Я думаю о будущем, Лейба. Хоть тебе так и не кажется. В кабинет императрицы я порекомендую своего человека.

– Кого же? – поинтересовался Либман.

– Волынского!

– Обер-егермейтера? Это глупо, Эрнест. Волынского продвигать не стоит. Этот человек хитер и своекорыстен. И тем более он вор. И ворует прямолинейно, совсем не так как иные придворные. Разбойник, а не вельможа. Варвар!

– Но он мне предан, Лейба. А что до того, что он вор, так что из того? В России все воры по большому счету! И с ворами иногда дела вести проще! И его я пошлю на переговоры с турками. Пусть покажет себя.

– Как знаешь, Эрнест. Я предупредил тебя.

– Волынский ненавидит Остермана и то мне на руку. А к тебе, Петер, у меня новое поручение. Императрица желает купить ряд драгоценностей в Европе. И тебе это поручение будет дано.

– Готов его исполнить. Тем более что многие русской царице драгоценные камни с удовольствием продадут. Платит она исправно и даёт хорошую цену.

– Тогда вот тебе опись того, что желает иметь императрица. И начинай действовать. Государыня желает иметь сии камни у себя как можно скорее...

Когда Пьетро Мира и Лейба Либман вышли от Бирона, банкир заговорил с шутом:

– Петер, вы умный человек.

– Всегда думал, что это так. Только не стоит учить меня, банкир, с кем и когда мне спать. Не думаете же вы, что я откажусь от Дорио и стану жить с придворной козой?

– Я не о том, говорю, Петер. Бирон думает, что тучи над его головой рассеялись. Но сие не так. Он слеп, и эта слепота его погубит. И я рассчитываю на вас.

– В чем?

– Нужно не допускать Волынского в кабинет-министры.

– Но Эрнест ему верит, Либман. И с чего вы взяли, что я стану действовать по вашей указке? Вы финансист. Вот и занимайтесь финансами. А что до Волынского то я с Эрнестом согласен. Он груб и порывист. Идет напролом. Он вор. И это сочетание Бирону выгодно.

После этого Пьетро развернулся и ушел от еврея. Говорить с Либманом и слушает его доводы он не захотел.

Либман покачал головой и произнес тихо:

–Самое опасное отнимать у человека его заблуждения до того как он понял, что они заблуждения. Значит, я могу умыть руки и пусть себе Волынский становится кабинет-министром. Ох, и пожалеет же Бирон, что покровительствовал ему. Этот вельможа ещё покажет зубы.

Год 1737, декабрь, 17-го дня. Санкт-Петербург.

Во дворце. У статуи Нарцисса.

Пьетро Мира после разговора с Либманом отправился на сторону императрицы. Там как раз собирались шуты, и кувыр коллегия начинала свою работу, помогая вертеться державным колесам империи. И сеньор Пьетро был немаловажным винтиком в тех колесах.

Но по пути он вдруг увидел силуэт сеньоры Дорио в углу за статуей обнаженного Нарциса. И была она там явно не одна. Кровь прилила к вискам шута, и его рука потянулась инстинктивно к тому месту, где обычно была его шпага. Но ладонь схватила пустоту. Клинка при нем не было.

– Шпага при дворе веешь лишняя, – услышал он знакомый голос за своей спиной.

Мира резко обернулся и рядом увидел шута Кульковского.

– Сеньора Дорио дарит не только тебя своими ласками, – нагло ухмыльнулся шут.

– А ты все суешь свой нос в чужие дела? – спросил его Пьетро.

– Я много куда сую свой нос. Но денег мне за то достаточно не платят. Так что ежели интерес к моей особе имеешь, то я готов выслушать предложения твоего хозяина.

– Хозяина?

– Бирона.

Кульковский удалился. Он сделал свое предложение и был готов работать на Бирона. За соответствующую плату конечно. Но Мира сейчас не мог думать о нем и интригах придворных, его интересовала донна Мария.

Пьетро постарался стать незаметным и приблизился к статуе Нарциса. Дорио и незнакомый мужчина просто разговаривали.

«Кто это с ней? Кафтан дорогой. И это точно не Франсиско Арайя. Похож на вельможу. А сама встреча не напоминает свидание любовников, – отметил про себя Пьетро. – Она слушает его почтительно. А он даже за руку её не взял. Но вот кто он? Лица не разглядеть. Вот бы услышать, про что они говорят».

Но подойти ближе он не мог. Тем более что Дорио и незнакомец быстро разошлись. И Пьетро так и не смог разглядеть, кто это был. Незнакомец быстро удалился.

– Сеньор? – по-итальянски спросила его певица, побледнев. – Это вы? Здесь?

– Прогуливался и увидел вас.

– Что это значит? Вы за мной следите, Пьетро?

– Нет. Я увидел вас здесь совершенно случайно. Но отчего вы столь встревожены, сеньора Мария? И кто сей франт в малиновом кафтане, что был с вами рядом?

– Вы его не узнали?

– Нет, – честно признался Пьетро. – А должен был узнать? Он персона значительная?

– Я не советую вам лезть в чужие дела.

– Но однажды я влез в них и тем помог нашей государыне и моему другу Бирону.

– Дурак, – прошипела Дорио. – Какой же ты дурак, Пьетро. Ты меня донимаешь своей ревностью, не менее чем Арайя. И ты постоянно лезешь не в свое дело.

– И тогда я поехал из ревности вслед за тобой в дом офицера и там раскрыл заговор. Уж не заговор ли новый затеяла сеньора? – с усмешкой спросил шут.

– Какой заговор? Не произноси этих слов! Я певица, а не заговорщица. И многие персоны знатные на своих домашних концертах желают слышать мой голос. Вот этот только что назвал его божественным.

– А ваше тело, несравненная донна Мария?

– Что мое тело? – не поняла Мария.

– Ваше тело он божественным не назвал? Оно, я уверен, не уступит ни в чем вашему голосу.

– Он говорил лишь о моем голосе, сеньор! И ваш намек просто оскорбителен.

– Мария, не стоит играть. Вы не на сцене! И я вас немного изучил.

– Уж, не хотите ли вы меня оскорбить, сеньор?

– Нет, я живу надеждой на новую встречу с вами.

– Сегодня? – сразу спросила она.

– Нет. Сегодня у меня поручение от Бирона. Стоит связаться со своими агентами и дать им поручения в Италии и Франции.

– Ты стал государственным человеком?

– Речь идет о покупке целой партии бриллиантов для императрицы. ...

Незнакомец в малиновом кафтане наблюдал за Дорио и за Пьетро. Это был Жан де ла Суда, доверенное лицо обер-егермейстера Артемия Волынского. Он прекрасно знал, кто такой шут Педрилло и кто за ним стоит. К нему подошел Иоганн Эйхлер, секретарь кабинета министров, и тихо спросил де ла Суда:

– Получилось?

– Певичка будет нашей при случае, Иоганн. Она имеет на сего шута большое влияние. И этот верный прихвостень Бирона крепко сидит у неё на крючке.

– Для нашего дела сие хорошо. Мира все больше и больше входит в фавор у Бирона, – потер руки Эйхлер.

– Но он не слишком болтлив, Иоганн. Хоть Мира и шут, а язык когда надобно держит за зубами.

– Но в постели чего не сболтнешь такой любовнице как Мария Дорио. Кстати, Мира только что вышел от самого Бирона. Как я ненавижу этого курляндского выскочку, Жан. Если бы ты знал, как я желаю его уничтожить. И дай срок, мы ему еще подставим ножку....

Год 1738, февраль, 10-го дня. Немиров.

Переговоры, которые вел Волынский.

Артемий Петрович Волынский, аристократ древнего рода, родственник самой царицы по линии Салтыковых, понял, что пробил его час. Если он поручение правительства выполнит, то быть ему в кабинет-министрах. Быть в фаворе великом у государыни и тогда благодаря сему, станет он свои прожекты великие в жизнь воплощать.

Сейчас напротив него сидел реис-эфенди² Блистательной Порты. Сразу видно, что сей чиновник султанский был большим хитрецом, и обойти такого будет не просто.

– Так что желает получить русская царица? – спросил он через драгомана³.

– Мы стоим только за те земли, что уже покорены нашими войсками, почтенный, – ответил Волынский.

– Пусть, высокочтимый эфенди, скажет конкретнее, что нужно русской царице?

– Это крепости Азов, Очаков, Кинбурн! В них размещены ныне гарнизоны российские. И нам надобно дабы великий падишах признал то в документе государственном.

– И это все чего требует русская царица? – спросил реис-эфенди.

– Нет. Еще мы хотим, чтобы укрепления Перекопа в Крыму были скрыты. И сие не для выгоды своей требуем, но токмо для того, чтобы границы государства Российского уберечь! И нам надобно право для русских кораблей свободного плавания по Черному морю вплоть до пролива Босфор.

– Но это много, почтенный. Вы ведь еще не победили все армии солнцеликого султана. Отчего же такие требования? Вы после свободного плавания по Черному морю потребуете и свободного прохода через проливы и выйдете в море Средиземное. Этого мой султан не допустит. Умерьте свои требования, почтенный. Или снова на следующий год загремят пушки.

– Вы Россию пушками не пугайте. Наша держава и сама вам пушками ответить может.

Реис-эфенди усмехнулся. Он был спокоен этот дипломат и в отличие от Волынского умел держать себя в руках.

– Значит, мы приехали сюда в Немиров напрасно, почтенный и ваша царица мира не получит. Но сегодня был тяжелый день и мы устали. Не лучше ли перенести нашу беседу на завтра?

– Перенесем. Утро вечера мудренее как говорят у нас на Руси.

Волынский сразу же отправился не к себе, а к дому, где размещался посол Австрии барон Остейн.

– Что сие значит, барон? – без приветствия налетел на Остейна Волынский. – Вы за спиною у России договариваетесь с турками?

– Что это за тон? – вскипел Остейн. – Я посол императора Карла VI!

– Ваши армии только проигрывали баталии в сей войне, барон. А россияне показали себя достойно. Так хоть ведите себя за переговорным столом, так как подобает союзнику, а не врагу!

– Ваш тон враждебен! Вы смеете оскорблять моего императора? Но племянник Карла VI принц Брауншвейгский скоро станет отцом русского императора. Задумайтесь о том. Сие не послужит к вашей пользе, господин Волынский.

– А вы про мою пользу поменее думайте, барон. Россия крепко станет на Море Черном! В том порукой мое слово! И пакости ваши, вам не помогут! Наши солдаты взяли Ор-Капу, они взяли Бахчисарай!

– Но в Крыму вам не бывать! Крым был и останется татарским! – закричал Остейн.

– То вам в Вене выгодно! Но сие идет в разрез с интересами России!

– А вы кем возомнили себя, господин Волынский? Я доложу о вашем возмутительно поведении графу Остерману! И советую вам от вашего упрямства отказаться. Все рано, повашему, не будет!

² Реис-эфенди – министр иностранных дел в Турции.

³ Драгоман – переводчик.

– А сие мы еще увидим! Я и без вас стану переговоры продолжать. Зачем нам Вена? Мы со Стамбулом и без Вены договоримся!

– Это возмутительное самоуправство и предательство интересов своего союзника! – закричал барон Остейн. – И за это вы ответите....

Остейн понял, что Волынский представляет интересы тех придворных группировок при русском дворе, которым на политику и конъюнктуры Остермана плевать. И потому он пошел на единственно возможный в такой ситуации шаг – на срыв переговоров вообще! И переговоры были сорваны. Война продолжалась, и в 1738 году снова будет литься кровь, и снова будут требоваться деньги на войну.

В Вене Остейна приняли крайне недружелюбно. Больной император Карл VI думал только о том, что будет после его смерти. Удастся ли его дочери Марии-Терезии удержаться на троне Габсбургов и сохранить империю?

Остейн же привез новую войну и новые склоки. В Петербург был срочно отправлен новый посланник маркиз Ботта со строгим приказом поторопиться с бракосочетанием принца Антона Брауншвейгского с принцессой Анной Леопольдовной...

Год 1738, март, 10-го дня. Санкт-Петербург.

Посланник Австрии и Бирон.

Маркиз Ботта сразу, после того как его представили императрице, нанес визит свой первый к герцогу Бирону. А сей визит, показывал, с кем Австрия считается при дворе русском. Звезда Бирона тогда сияла слишком высоко.

Маркиз был роста невысокого, лет средних, с фигурой плотной. Он одевался изысканно, как и было принято при дворе венском, но без показной роскоши. На нем синего бархата кафтан с отделкой серебряной, голубой камзол, пышный седой парик.

Он поклонился Бирону и произнес:

– Рад поздравить вашу светлость с избранием вас в герцоги Курляндии и Семигалии! Никогда до сих пор корона Кетлеров не венчала столь достойной головы.

– Спасибо на добром слове, маркиз. И я рад принимать столь образованного и утонченного вельможу у себя.

– Мой император Карл VI знает о разногласиях, что были между вами и бароном Остейном и весьма сожалеет о них.

– Ну что вы, маркиз, никаких разногласий у меня с бароном Остейном не было. Это скорее у вице-канцлера Остермана были с ним разногласия по поводу ведения боевых действий с турками. И императрица всероссийская Анна Ивановна была весьма позицией Вены недовольна.

– Я прибыл исправить все досадные недоразумения между нашими государствами.

– Кстати, через несколько дней назначен прием военных у императрицы. И будет вырабатываться план военной кампании на следующий год. Война ведь продолжается, маркиз.

– Это так, ваша светлость. И Австрия будет вести эту войну совместно с Россией. Но мой император желал бы узнать, как скоро состоится бракосочетание принца Брауншвейгского и принцессы Анна Леопольдовны Мекленбургской?

– Вы желаете заручиться моей поддержкой, барон?

– Да, ваша светлость. И мой император не забудет сей услуги.

– Но инициатором сего брака выступил вице-канцлер граф Остерман. И сии планы были одобрены императрицей. Я в сии дела не лез, барон. Я даже подданства Российского до сих пор не имею, хоть и занимаю при дворе пост обер-камергера двора её императорского величества.

– Но влияние вашей светлости на императрицу всем известно.

– Вы преувеличиваете мое значение, барон.

– Герцог, вы большая фигура не только при российском дворе, но в политике европейкой. И я бы хотел убедиться, что вы друг Австрии.

– Я могу вам обещать, что не стану противиться браку принца Баруншвейгского и принцессы Анны Леопольдовны. Хотя хочу вам сказать, что совсем недавно мне предлагали устроить принцессе иной союз, не с вашим принцем.

Маркиз Ботта побледнел. Если это так, то все планы императора могли провалиться и его карьере дипломата придет конец.

– Вот как, ваша светлость? – проговорил Ботта. – И кто же предложил вам новый союз?

– Про это я говорить не стану, маркиз. Но скажу, что я сей союз отверг, и потому принц Брауншвейгский по-прежнему жених принцессы Анны. И думаю, что все так и останется. И будет свадьба и две ветви древних родов соединятся...

Год 1738, март, 19-го дня. Санкт-Петербург.

При дворе.

Императрица не была рада видеть своих фельдмаршалов. Они мало, что сделали для победы за год последний, но казна государственная уже изрядно «трещала» от той войны и в народе росло недовольство. Особенно это касалось Малороссии, где на винтер-квартирах стояли полки армии российской.

Но Миних и Ласси явились в столицу, дабы утвердить планы кампании и снова требовать денег и подкреплений.

Анна посмотрела на Бирона и кивнула ему. «Говори, герцог». Тот взял слово.

– Государыня наша недовольна вами, господа. И особенно вами господин Миних! Что вы сделали за эти два года войны? Наши армии захватывали неприятельские земли, но затем снова их отдавали.

– Но я обескровил турок! – вскричал Миних. – Я освободил тысячи русских от позорного татарского плена! Я взял крепость Очаков! А фельдмаршал Ласси опустошил в прошедшем году Крым. И вы смете мне говорить, что я ничего не сделал? Да что вы вообще смыслите в войне?

– погоди кричать, Бурхард Христофорыч! – сказала царица. – Не на базаре чай за рыбу торгуешься. Перед лицом государыни стоишь! И герцог Бирон все верно сказал. Где мне денег для тебя взять? Подумал про сие? А мира нет! Турки не дают нам мира на наших условиях. Вот у Волынского спросите. Он только после переговоров вернулся из Немирова!

Все замолчали, и в кабинете установилась тишина. Перечить Анне никто не посмел.

– И потому нам в сем годе уже надобно весной снова войну учинять, – продолжила императрица. – А денег нет! И потому слушайте мое слово, фельдмаршалы! Ты, Миних станешь наносить удары по армии визиря и заставишь его склонить перед тобой голову. А ты, Ласси, снова возьмешь Крым! Больше иных слов у меня для вас нет! И ни на какие подкрепления не рассчитывайте! Воевать теми силами, что есть у вас! Тебе Миних уже удалось более 30 тысяч солдат в землю уложить! Так?

– Особенности войны в тех краях, матушка-государыня..., – начал оправдываться Миних.

Но императрица грубо прервала его:

– Я мать отчества своего! И солдаты те дети мои. А ты их жизни не ценишь. Я про твои слова слыхала. Мол, в России людей, что песку и чего их жалеть? Так?!

Миних склонил голову. Он понял, кто донес на него. Принц Людвиг Гессенский. Проклятый лизоблюд и бездарный генерал.

– Потому в сем годе жду от тебя побед громких. Днепровская армия твоя! С ней и станешь мне победы добывать! А ты, Ласси, возьмешь Донскую армию.

– Но, матушка-государыня, есть у меня просьба до тебя...

– Никаких просьб, – оборвала Анна Миниха. – Побеждай! Или опалу на тебя наложу! А пока, иди с глаз моих! Прочь!

Миних поклонился царице, метнул ненавидящий взгляд на Бирона и вышел.

Императрица отыскала глазами Волынского.

– Артемий Петрович! Много хорошего про тебя любезный нам герцог Бирон рассказывал и потому жалую я тебя. Подписала я вчера указ о назначении тебя нашим кабинет-министром! Служи нам верно и будь беспощаден к врагам престола нашего. Измену сыскивай и с корнем выдирай!

Волынский пал на колени:

– Матушка, всемилостивая государыня! Всю кровь свою за тебя отдам!

– Встань, Артемий Петрович, не для чего сейчас полы полами кафтана своего подметать. Мне дела надобны, а не слова! Про то помни! Про меня гадостные анекдоты по столице ползут! Мол, про народ свой не думаю! А кто думает? Лизка? Она змея подкодная козни продолжает строить. С любовниками развлекается, словно девка солдатская. Впрочем, такая она и есть. И место ей в доме публичном, а не троне государства Российского! Завтра на заседании кабинета я сама стану присутствовать! Надобно корень изменный выдрать, да так чтобы побегов более не пускал!

После этого императрица удалилась к себе, дабы отдохнуть и успокоиться в обществе своих шутов и шутих.

Буженинова как увидела царицу сразу к ней подошла и за руку взяла:

– Али снова обидели тебя, матушка?

– Обидели, куколка! Ничего сделать не могут. Только дай и дай всем! Мало они от меня милостей имели?

– Дак, я те сколь разговорила, гони всех в шею!

– Всех-то нельзя, куколка. А кто за державой смотреть станет? Россия-то страна огромная. А верных слуг дабы управлять ей нет. Вот беда так беда.

К ним подошла карлица Новокшенова, и, услышав последние слова царицы, заверещала:

– Беда, беда, беда. Матушку нашу разобители-и-и-и-и!

– Замолкни! – дала ей подзатыльник Буженинова.

От сего обращения Новокшенова заголосила еще больше:

– Беда! Беда!

– Не трогай дуру, куколка, в ушах звенит от гомону её. Где Ванька Балакирев?

– Дак он матушка бит был.

– Кем это?

– Дак твоим гофмаршалом.

– Рейнгольдом фон Левенвольде?

– Им. Балакирев пузырек с чернилами на платье евоной полюбовницы Наташки Лопухиной вылил. А тот осерчал, и палкой его отходил.

– А Лакоста где? Отчего не вижу короля самоедского?

– Его шут твой Мишка Голицын отлупил. Вот потеха-то была, когда дрались они. Жаль, ты не видала того, матушка.

– Квасник? Отлупил? За что? – удивилась царица.

Она знала Квасника как самого несчастного и забитого их своих шутов.

– За дело вестимо! Я его про сие попросила. Задирает меня сироту несчастную. Я и сказала Кваснику. Чего смотришь как девицу забижают? Дай в морду Лакосте. Тот и дал!

– За тебя, стало быть, стал, куколка? Тогда прощаю ему побои Лакосты, – улыбнулась Анна.

– А про женишка для меня подумала ли, матушка? Сколь ожидаю милости твоей.

– Не до того сейчас, куколка. Погоди малость. Забот то у меня державных сколь? Ведаешь ли? А что нового при дворе моем болтают?

– Камергер твой Юсупов женился, матушка.

– Женился? – Анна любила сплетни, это отвлекало её от забот. – Да на ком? Ведь девок подле него столь много было.

– На ком, того я и не ведаю, матушка! Но девку за себя взял статную. Её Юшкова видала. Но при дворе сия девица не бывала еще.

– Дак пушай приходит! Посмотрим! А ты где видала то сию девку? – спросила Анна лейб-стригунью Юшкову.

– Да наемни, матушка. В санях она с Юсуповым каталась. Я то у слуг и расспросила юсуповских кто сие такая. Они и ответили, что женка, мол, барина нашего.

– Женился таки греховодник старый, – императрица хлопнула в ладоши. – Вот уже и не чаяла, что женится. А он женился.

Анна снова обратилась к Бужениновой. По лицу карлицы видела, что не все еще та выложила.

– А чего еще болтают?

– Да не все матушка счастье любовное имеют.

– Кто это «не все», куколка? Не томи государыню свою. Сказывай.

– А вот Куракины отказали жениху дочери, капитану гвардии полка Измайловского Давыдову. Не отдали за него девку. Помуржили его и отослали от дома. Во как! – выпалила Буженинова новость.

– Куракины? А что за девка у них? – спросила царица.

– Марией кличут. Красавица и гордая больно.

– Гордая? – улыбнулась императрица. – За капитана полка Измайловского идти не желает? Чем плох им капитан сей?

– Капитан де роду незнатного, – доложила Буженинова. – Да и чин его не высок. Так де князь Куракин заявил.

– А про то Куракин не подумал, что полк Измайловский, гвардейский, моя личная охрана? И капитан того полка слуга мой верный! Того Куракину мало? Срочно узнать, где сей капитан!

Через десять минут дежурный гвардейский офицер доложил, что капитан гвардии Давыдов в настоящее время в карауле в дворцовом саду.

– Срочно его с караула снять и в церквушку Спаса пошли. Там пусть ожидает своего счастья. Он жениться желает? Так я помогу ему. На то я и государыня, чтобы о пользе своих подданных думать! А ты, Бестужев, срочно в дом Куракина. И ежели девка сей час не будет в церкви Спаса в наряде подвенечном, то завтра он будет сидеть в подвале у Ушакова в Тайной канцелярии! Так и скажи борову старому!

Дежурный камергер Бестужев бросился выполнять приказание императрицы. Свадьбу капитану Давыдову она устроила....

Сам капитан Давыдов был на седьмом небе от счастья. Не зря друзья посоветовали ему не убиваться по девке Куракинской, а идти в кувыр коллегию и там свои дела решать.

Поручик Рославлев тогда сказал ему:

– Иди к шутам. Они твою беду в миг избудут!

– Но шуты за просто так ничего не сделают. Где денег взять? Именишко мое разорено совсем. Мужики в бегах.

– Деньги, оно конечно, дело в сем предприятии не лишнее, но с умом можно и без того все обладать.

– Скажи как? – попросил Рославлева Давыдов.

– Есть при государыне в чине лейб-подъездалы Авдотья Буженинова. Она сама страсть как замуж желает. И тебе не откажет. Ты обижен семейством невесты своей за бедностью. Иди к ней и пожалуйся. Она поможет.

– Но как попасть мне к Бужениновой? Она во дворце живет и не всякого примет.

– Имеется у меня один ход к ней. Я тебе помогу в том.

И Давыдов излил душу Бужениновой, та обещала помочь и помогла. Шуты быстро решали все проблемы при веселом дворе Анны Иоанновны....

На следующий день императрица отыскиала князя Куракина среди своих придворных. Тот, увидев взгляд императрицы, обомлел. Все знали, что означает взор сей.

– Князь! – поманила его Анна. – Подойди-ка!

Куракин приблизился и низко поклонился.

– Тебя поздравить можно. Так говорю? Дочку, говорят, замуж отдал?

– Все верно, ваше величество. Капитан гвардии полка измайловского мой дом осчастливил. И вчера молодые уже и под венец пошли.

– Рад ли зятю такому? – спросила Анна. – Али не доволен чем?

Куракин знал, на что намекнула императрица и, боясь гнева монаршего, заявил угодливо:

– Рад, матушка! Премного благодарен судьбе, за счастье сие. Про лучшего мужа для дочери я и мечтать не мог.

– Молодец, князь. Хвалю. А жених-то небогат?

– Не богат, матушка. Дак что с того? Он ведь в твоей охране служит и оттого великим доверием облечен.

– Жалую жениху 10 тысяч рублей серебром! Пусть никто не попрекнет его бедностью...

Глава 2

Пьетро Мира принимает вызов.

Год 1738, март, 20-го дня. Санкт-Петербург.

На заседании кабинета министров.

На заседании кабинета министров в тот день присутствовали вице-канцлер империи граф Андрей Иванович Остерман, кабинет-министр князь Алексей Михайлович Черкасский, новоиспеченный кабинет-министр Артемий Петрович Волынский, кабинет-секретарь Иоганн Эйхлер.

Первый вопрос был крайне важным. Что делать с цесаревной Елизаветой?

Остерман высказался первым:

– Цесаревна поведения легкого и уже без разбору любовников принимает. Ранее она гвардейских офицеров жаловала. А нынче? И мужиками простыми не брезгует. Появился при ней некто Алешка Розум, бывший певчий из хора церковного, мужика простого малороссийского сын. С ним цесаревна на глазах у дворни сожительствует!

– Но верные ли то сведения? – спросил тучный князь Черкасский.

– Вернее некуда. Про сие я пять доносов имею. Да и говорят все про то. Не сильно то цесаревна свои привязанности любовные скрывает. Кровь в ней так и кипит. В монастырь бы надобно девку заточить. Пусть там до скончания веку своего грехи замаливает. Сие требование государыни всемилютивной императрицы нашей.

– Повеления государыни императрицы закон для нас, – начал свою речь новый кабинет-министр Волынский. – Но боюсь, что если мы поступим так, как того желает вице-канцлер, то нового заговора нам не избежать.

– Заговора? – не понял Волынского Остерман.

– В гвардейских казармах нынче неспокойно. И пока сие беспокойствие выражено токмо в разговорах застольных. Но завтра все может измениться, ежели мы цесаревну в монастырь заточим. Того допускать нельзя во имя спокойствия империи.

– И я согласен в том с Артемием Петровичем, – поддержал Волынского князь Черкасский. – То дело большое и хлопотное. Сейчас Россия войну с османами ведет, и заточать Елизавету в монастырь нельзя.

В этот момент двери распахнулись, и вошла в сопровождении герцога Бирона сама императрица.

– Стало быть, противитесь воле моей? – с порога спросила она, услышав слова Черкасского. – А скажи мне, князь, кто правит империей?

Все присутствующие поднялись.

– Вы, ваше императорское величество! – ответил Черкасский.

– Стало быть, все-таки я? Тогда снова ответь, князь, а для чего ты моего приказа исполнить не желаешь? Лизка девка распутная и про то всем ведомо! И пусть свои грехи замаливает в монастыре.

– Ваше величество, – вмешался Волынский. – Могу я высказать мнение свое?

– Говори! Чай для того я и пришла, чтобы вас послушать, – ответила Анна и уселась на стул, пододвинутый ей Бироном. – И садитесь. Чего столбеете?

Все сели. Только герцог продолжал стоял позади царицы. Да еще Иоганн Эйхлер жался к дверям.

– Ваше величество, – начал Волынский, – особенности России, коие начало берут от дворцового переворота князя Меншикова, таковы, что бунты гвардейские к смене монархов приводят. Для того чтобы возбудить такой бунт, не надобен долгий период подготовки. Он

может возникнуть стихийно. Елизавету в войсках любят как дочь Петра Великого и ежели её в монастырь заточить, то сие воспримут как сигнал к бунту!

– Кто воспримет? – спросила царица.

– Солдаты и офицеры полков Преображенского, Семновского, а также конного регимента. И сейчас они вполне верны вашему величеству, но при известии о насилии над дочерью Петра может случиться бунт.

– Стало быть, ты желаешь сказать, Волынский, что они за Лизку станут, а не за меня?

– Да, ваше величество, – смело проговорил Волынский. – Такое может случиться.

Анна была возмущена заявлением, и неизвестно чем бы сей день для Волынского кончился, если бы не герцог Бирон.

– А я согласен с Артемием Петровичем! – произнес Бирон. – В России все обстоит именно так, как он сказал. Вспомните древний Рим, господа! Я читал недавно про то, как гвардейцы тамошние, что именовались преторианцами, своих императоров свергали. И русская гвардия мне сиих преторианцев напоминает.

– Верно, ваша светлость. Именно так все и обстоит, – сказал Волынский.

– И заявления Артемия Петровича, есть заявление не хитрого лизоблюда, но верноподданного, о славе и долгом царствовании нашей государыни пекущегося! За сие, ваше величество, награждать надобно, а не ругать кабинет-министра.

Императрица после этих слов Бирона смягчилась.

– Тем более что господин Волынский много для удовольствия вашего потрудился, – продолжил Бирон.

– Чего ты там сделал, Артемий Петрович? – уже милостиво спросила царица.

– Зная о пристрастии государыни к охоте, приказал я как обер-егермейстер вашего величества в лесах под Нижним Новгородом облавы на оленей и лосей устроить.

– И что? – спросила Анна, глаза которой загорелись охотничьим азартом.

– Тех оленей и лосей числом 40 везут в Петербург! – громко сообщил Волынский.

– Вот за сие хвалю! – вскричала Анна. – Знаешь, Артемий Петрович, чем свою царицу потешить. Люблю охоту, хоть и баба я, а не мужик. Наш секретарь академический Данило Шумахер Дианою меня назвал. А Диана в Греции была богиней, что охоту весьма возлюбила, как я грешная. Ладно, прощу и на этот раз Лизку. Пусть при дворе моем бывает чаще! Эрнест! Передай ей то через гонца. Сегодня же её на курtare своем видеть желаю!

– Будет исполнено, ваше величество, – важно склонил голову герцог Курляндский.

– А теперь, что о войне скажете, господа министры? – спросила Анна.

– Обстановка для нас складывается крайне неудачно, ваше величество, – сказал Волынский. – Войска Австрии терпят поражения от турок в Сербии. Миних ничего пока там не достиг. Да и Шведы на нас меч точат. Войной грозят!

– Войной? – царица посмотрела на Волынского.

– И флот короля Швеции может быстро оказаться у фортов Кронштадта.

– Шведы войны с нами не начнут! – уверенно заявил граф Остерман. – И нам сейчас следует помощь императору Австрии оказать войсками. Ибо австрийцев бьют турки.

– И поделом! – произнесла Анна. – Их император Кард VI много раз нас предавал! Пусть сам узнает, что сие такое!

– Того нельзя, государыня! – возразил Остерман. – Ибо ежели австрияков разгромят, то император Кард VI на мировую с османами пойдет! И пойдут они на мир без нас! За нашей спиной австрияки с турками договорятся. Посему нужно австриякам в той битве помочь!

– Снова им русских солдат слать? Ох, жалею я, что твоих советов тогда слушалась, Андрей Иванович! Сколь уже на полях тех солдат сгнило? И могил своих они не имеют. За то ли я в войну сию вмешивалась?

– Я дипломат, а не полководец, государыня. Про сие с Миниха следует спрашивать. Он обещал только победы и говорил, какой он полков водитель гениальный. Но где гений его?

– Миних еще ответит за дела свои. Пока пусть побеждает! Он мне победы обещал!

– Но что скажет государыня на просьбу Австрии? – спросил Остерман.

– Придется оказать австриякам помощь! Но ежели они снова нам пакости строить будут, не прощу им того! Чай Россия держава в Европах не последняя. А за Швецией следы, Андрей Иванович! Дабы нам, какой пакости не подкинула.

– В Стокгольме наш посол Бестужев-Рюмин, матушка государыня.

– Ладно, на том обсуждение сего вопроса окончим. Что там у вас далее? – императрица посмотрела на Остермана.

– Более ничего, государыня, – ответил тот.

Но слово взял новый кабинет министр Волынский:

– Я имею еще что сказать, ваше величество.

– Что у тебя? – Анна посмотрела на Волынского.

– У меня с собой проекты некие и я бы хотел с ними господ министров и государыню ознакомить.

– Говори, Артемий Петрович! – дала позволение Анна.

– Сие проект об народном образовании, матушка. У нас люди во тьме пребывают, не так как в Европе просвещенной. И мыслю я некие начинания об исправлении образования учинить с одобрения вседержавнейшей государыни.

– И что ты предлагаешь? Гимназия при университете Петербургском работает исправно. Молодых студентов, коие талантами от природы отмечены, мы за границу послали. Шляхетский корпус кадетский при нас основан в столице для подготовки офицеров для армии.

– Сие все верно, ваше величество. Но малые слои населения нашего просвещением охвачены. Школы надобны для мастеровых и в деревнях также крестьянских детей учить надобно.

– Крестьян? – удивился Остерман. – А на что их учить, господин Волынский? Они в рабстве у бар своих пребывают. Зачем учить их? Вы спросите у помещика – нужны ли ему образованные крестьяне?

– Просвещение должно войти в толщу народную, и тем Россия из мрака вырвется в число держав просвещенных!

– Сии проекты не ко времени Артемий Петрович, – осадила Волынского Анна. – Денег у государства на войну нет. А ты со школами для мастеровых и крестьян....

Год 1738, апрель, 2-го дня. Санкт-Петербург.

Пьетро Мира и Мария Дорио.

Пьетро положил голову на колени Марии, и она стала гладить его волосы. Они говорили на родном им итальянском языке.

– Ты все еще любишь меня? – спросила она.

– А разве это не заметно, Мария? Я твой раб и я у твоих ног. Ты словно заколдовала меня.

– Вокруг столько женщин, Пьетро! И ты уже не первый год привязан к моей юбке.

– Но разве только я, Мария?

– Ты про сеньора Франческо Арайя? Ну, сколько можно ревновать меня к нему. Ты сам знаешь, что я завишу от него. Он придворный капельмейстер. Или ты желаешь, чтобы я также как и ты стала шутихой императрицы?

– Но разве связаны постель Арайя и должность певицы?

– Одно без другого невозможно. Арайя любимец государыни. Он кого желает того и выгонит из своей капеллы! А певицу он себе и другую найдет! Это только, кажется, что я незамечена. Арайя может меня заменить и выписать из Италии новую певицу!

– Мария...

– Не стоит продолжать, Пьетро! Я знаю, что ты мне скажешь! Что ты богат и сможешь меня обеспечить. Так?

– Смогу! Я смогу тебя достойно обеспечить. Или я тебе этого не доказал?

– Но я певица, а не кукла, и не шлюха, сеньор Мира! Я должна радовать публику своим голосом. Сцена для меня все. Да и как быстро я тебе надоем в качестве домашней любовницы, Пьетро?

– Мария...

– Не стоит, сеньор Мира! – она положила ладонь на его губы. – Не стоит! И ты и Арайя любите во мне певицу. И без ореола певицы я быстро вам наскучу. Сам Арайя уже не испытывает ко мне чувств как к женщине. Но когда я пою, он все еще любит меня и желает меня как женщину. И с тобой происходит нечто подобное.

Пьетро задумался. А вдруг она права? Ведь её искусство в действительности завораживало его и в моменты, когда ей аплодировал весь двор императрицы, он желал её больше всего. А если, она станет жить у него постоянно? Если она перестанет петь? Что будет?

– А если нам уехать из России, Мария? У меня есть средства, и мы можем уехать в Данию, или Голландию, или во Францию, или вернуться в Италию.

– Уехать из России? – она посмотрела на него. – И ты готов уехать? Ты готов бросить Бирона?

– А почему нет, Мария? Но согласишься ли ты ехать со мной?

– Нет, Пьетро! Я не соглашусь! И не проси меня объяснить почему. Я еще не разобралась в себе.

– Мария! Ты по-прежнему играешь со мной? Скажи, ты хоть немного любишь меня?

– Пьетро! Что такое любовь? Ты смог бы мне это объяснить? И кто смог бы? Скажи, твой Бирон любит императрицу?

– Не знаю по поводу любви. Но он к ней привык и они давно вместе. Да и она императрица. А разве можно разлюбить императрицу? Императрица это власть и сила при дворе. Императрица дала ему титул герцога. Без её поддержки он бы не получил Курляндии никогда....

– А тогда что такое любовь для тебя? Любовь ко мне?

– Это невозможно объяснить, Мария. Я хочу слышать твой голос и вдыхать запах твоих волос.

– Это снова только слова. Сегодня ты хочешь вдыхать запах моих волос, а завтра волос иной женщины. Но что такое любовь?

В этот момент в окно спальни влетел булыжник с мостовой. Вместе с ним в комнату ворвались многочисленные осколки цветного стекла.

– Что это? – Мира вскочил на ноги и бросился к окну. – Кто смеет?!

– Пьетро! – закричала Мария. – Будь осторожен!

– О, черт! Там полно людей.

– Это Арайя! Он нанял разбойников!

– Разбойников? – Пьетро посмотрел на Дорио.

– Он желает тебе отомстить. Тебе нужно уходить!

Двери дома затрещали под мощными ударами. С улицы слышались крики и ругань.

В этот момент Пьетро увидел из окна своего врага. Сам сеньор Арайя собственной персоной.

– Он здесь, Мария. Это Арайя! И с ним человек 10 или 15. Они мой дом окружили и хотят меня схватить. И бежать некуда. Наверняка с той стороны ждет нас засада. Но тебя они не тронут. Ему нужен я.

– Он прикажет тебя убить! – вскрикнула Мария Дорио.

– Не думаю. Он приготовил для меня то, что хуже смерти. Палки и плети.

С улицы слышались новые крики. Какая-то третья сторона вмешалась в распри Мира и Арайя...

Год 1738, апрель, 2-го дня. Санкт-Петербург.

Пьетро Мира, Мария Дорио и сеньор Франческо Арайя.

Франческо Арайя придворный капельмейстер императрицы Анны Ивановны, наконец, сумел выследить свою любовницу. Слуги доложили ему, что она сейчас в спальне шута Педрилло в его доме.

– Вот как? Она как последняя шлюха бежит домой к шуту? Что же, устроим хорошую шутку. Императрица любит такие. Иван! – Арайя позвал своего камердинера. – Ты уже сговорился с теми людишками?

– С разбойниками, барин? – Иван кивнул головой. – Уже сговорился. Все сполнил как было велено. Такие люди, что мать родную зарежут за золото.

– Иди сей час за ними и скажи, что золото будет! Вот тебе для начала 20 рублей. Но скажи, что как все сделают, будет втрое против сей суммы. Пусть срочно идут к тому дому, где Мира живет!

– А чего делать то нам с ними?

– Дом захватить.

– А полиция? Всё можно по-тихому сделать, барин! Пристукнем его...

– Нет! В доме его захватить. Его и её! А полиции не бойтесь! Я за все в ответе! Я капельмейстер императрицы и от любой полиции вас прикрою. Меня при дворе ценят!

– Как прикажешь, барин!

– Но девку, не трогать! Она нужна мне. Любимая певица государыни! А шута отколоти палками, но не до смерти! Мне не нужна его жизнь. Мне нужно чтобы его отколотили на глазах у других.

– Все сделаем, барин!

– А я стану смотреть как, вы сеньора Миру отхаживаете дубинами. Пусть познает, что такое Россия со всех сторон. Он любитель анекдоты новые придумывать. Так пусть станет героем анекдота, над коим весь двор потешаться станет.

Дом шута быстро окружили, да так что мышь и та не проскочит. Сеньор Франческо также прибыл на место и наблюдал, как его люди готовились к «штурму». Теперь то Мира от него не ускользнет.

– По моему сигналу начинайте! И смотри, Иван!

– Все будет, как ты сказал, барин.

– Не дайте ему за шпагу взяться. Он матер с ней управляться.

– Мы его дубинами отходим. Не до шпажонки будет.

Иван кивнул разбойникам, и те приготовились. Затем он поднял с мостовой булыжник и запустил в окно дома сеньора Пьетро Мира...

Но возле дома шута Педрилло оказались еще и другие люди. Это были Балакирев, Лакоста и Кульковский, товарищи сеньора Пьетро по шутовскому цеху. Они не сильно жаловали Педрилло после того как он заработал своей шуткой большие деньги. А зависть – плохое чувство. Оно совсем дружбе не способствует. Но сейчас дело так повернулось, что они на сторону Пьетро стали.

– Братцы! – вскричал Балакирев. – Гляньте на это? Осада дома Адамки нашего началась.

– И, правда, – проговорил Кульковский. – И я даже догадываюсь, чья это «армия» наступает. О! Сеньор Франческо! – шут заметил капельмейстера. – Вы, что здесь устроили? Небольшая война на улицах столицы?

– А вам какое дело? – грубо отрезал Арайя.

– Дак мы в шутовской кувыр коллегии состоим, сеньор, – ответил за него Балакирев. – И оттого нам до всякого шутовства дело есть.

– Здесь вам не балаган! И потому проваливайте отсюда! – Арайя указал шутам на дорогу.

– А ежели мы не провалим? – спросил, кривляясь, Балакирев. – Али прогонишь нас?

– Иван! Убери этих шутов с мох глаз.

– Чего? – Балакирев стал засучивать рукава своего камзола.

– Убери его, Иван! Прочь! – Франческо Арайя указал на Балакирева.

Иван кивнул троим громилам, и те надвинулись на шутов.

– Только не покалечьте никого! – предупредил Арайя. – Только прогоните и дайте каждому по пять ударов по задку. Чтобы помнили кто такой придворный капельмейстер. Они к ударам по этому месту люди привычные!

Но шуты были людьми не робкого десятка. Балакирев сразу в драку кинулся. Он ударом кулака под дых свалил с ног первого громилу. Тот охнуть даже не успел, как рухнул на землю.

– Шуты и не токмо к ударам по задку люди привычные, господин капельмейстер! – закричал Балакирев.

Кульковский обнажил свою бутафорскую саблю, которая была не заточена, но могла наносить ощутимые удары словно дубина. Клинком он отбил направленную на него дубину. И сам стал дубасить разбойника по голове и плечам.

Лакоста сбил с ног еще одного громилу и ударом кулака раскровянил лежащему лицо. Затем он подскочил к Арайя и схватил того за ворот кафтана.

– Ты с кем тягаться задумал? – прошептал он ему на ухо.

– Эй! – Иван вступился за капельмейстера. – А ну барина отпусти!

В руке у Ивана блеснул нож с широким лезвием. Лакоста отшвырнул от себя сеньора Франческо, и тот кубарем покатился по мостовой. Там его остановил Балакирев и для порядка ударил его два раза палкой по задку.

– Я думаю, что зад господина капельмейстера, также может привыкнуть к палкам. Это Россия!

Лакоста тем временем также достал нож. Это была его старая и добрая испанская наваха. Пользоваться ей Лакоста умел как никто иной. И русский разбойник не знал с кем он связался.

Вскоре Иван уже лежал на мостовой. Он был мертв. Атака на дом придворного шута была отбита...

Год 1738, апрель, 3го дня. Санкт-Петербург.

При дворе. Шутовство.

На следующий день события о «баталии» у дома Пьетро Мира стали обсуждаться при дворе. Императрица посмеялась проделкам шутов своих и отменно каждого наградила за смелость. Сеньору Франческо Арайя, дабы не обжался на шутов, послала от себя, шкатулку малахитовую с камнями драгоценными и своим портретом и пять тысяч рублей серебром.

Затем Анна по обыкновению своему своих болтушек слушала. Они ей все новости и сплетни пересказывали. Где кто подрался, где кто кому изменил, и где в каких семействах скандалы были. Императрица была большая любительница сплетен разных.

– А еще, матушка, – проговорила «болтушка» фрейлина Решетова, – на днях в городе твоём белую ворону видали! Все другие черные, а та белая. И генерал-полицмейстер распорядился ту ворону поймать!

– Поймали? – спросила императрица Решетову.

– Его холопы ворону ту поймали. И в дом к генералу доставили.

– Так пусть нынче же гонца до генерал-полицмейстера снарядят! Ту ворону я сама видеть желаю! Эй, там!

Приказ императрицы тут же бросились исполнять, и государственный фельд-курьер отправился в дом, где ворона белая содержалась.

– Да что ворона, матушка! – Буженинова оттолкнула от императрицы Решетову. – Вот я слыхала, что в городке Сызрани живет дура одна молодая. Так то дура, всем дурам дура. Таких еще отродясь не бывало.

– И что в той дуре особенного, куколка? – спросила императрица свою любимицу.

– И филином кричит, и кошкой мяучит, и передразнивает голоса разные. Да так хорошо то у дуры получается, что все со смеху помирают, матушка.

– А не враки ли то? – засомневалась Анна.

– Что ты, матушка. Рази стала бы я тебе врать? То истинная правда. Така дура в Сызрани имеется.

Анна осмотрелась и глазами отыскала среди придворных генерала Андрея Ушакова.

– Андрей Иваныч! Поди сюда.

Ушаков приблизился и поклонился царице низко.

– Чего прикажешь, матушка, рабу твоему?

– Ты слыхал, что моя куколка только что сказывала? Живет в Сызрани городе дура одна. И дура она голос искусно передразнивает. Понял ли? И я повелеваю тебе ту дуру срочно ко мне в Петербург доставить и при моем дворе поселить!

– Срочно, сегодня же, посланцев в Сызрань и снаряжу, матушка.

– Да скажи своим посланцам, дабы дуру не перепугали на смерть. Знаю я людишек твоих. Пусть скажут, что зову не для зла, а для добра дуру в Петербург. И родителям её пусть сразу тыщу рублей дадут! Понял ли?

– Все будет исполнено, матушка.

– И смотри, Ушаков! Тыщу рублей серебром, что от казны отпускаю все до последнего рублика отдать должно! Коли хоть единый рублик уворует кто – с тебя будет спрос.

– Да что ты, матушка? Разве посмеет кто?

– Знаю я что говорю. Не дурой уродилась на свет. Ты тыщу возьмешь от казны да 500 рублей себе в карман положишь. Затем те, кто повезет приказ и деньги, еще 450 рубликов прикарманят. И отдадут от щедрот государыни по назначению всего 50 рублей, а то и менее!! Я про такие твои дела уже донос имею, Ушаков!

Начальник тайной розыскных дел канцелярии побледнел. Не раз и не два он так делал, и деньги, от казны отпускаемые, воровал бессовестно. Но вот кто мог донос на него сострять?

– И потом, – продолжила Анна, – меня царицу щедрую в скупости обвиняют! Будто я скупая и больше 20 али 50 рублей и пожаловать не могу! Ежели, еще раз про такое услышу, ты у меня сам на дыбе повиснешь! На сей раз за дуру ты тысячу рублей исправно отдашь! Всё до копейки!

– Будет исполнено, ваше величество! – еще раз поклонился Ушаков.

– Ну, иди. Иди, Андрей Иваныч. Сполняй приказ мой.

Ушаков ушел, а болтушки снова принялись за свое дело. Сплетни и их обсуждение продолжалось.

– Пишет князь Куракин любовнице своей письма препотешные, матушка, – сообщила «болтушка» фрейлина Липицына. – Уж такими словами её называет. А жену иначе, чем ведьма не зовет.

– Так ли? – императрица посмотрела на болтушку.

– Так. Про то я от ихней служанки всё выведала.

– Так мы то дело исправим, – проговорила Анна. – Надобно послать курьера нашего и те письма изъять и заменить. Поняли про что я?

Кульковский засмеялся и понял шутку императрицы.

– Я могу разные почерки подделывать, матушка. Дай мне письмо куракинской любовницы. Али письмо самого Куркина к ней. Я почерк точь в точь подделаю.

– Сумеешь? – Анна посмотрела на шута.

– Сумею!

– Завтра мне письма доставить. И завтра Кульковский ты то дело сделаешь. Распотешу я жену Куракина и любовницу также!

Все засмеялись....

Императрица Анна Ивановна была шутница великая. Любила она частные письма читать и сама их затем подменяла. Вместо одних вкладывала в конверты письма иные, рукой Кульковского писанные.

А после того как любовница князя Куракина получила послание, в котором тот её последними ловами поносил, она ему от дома отказала. А жена Куракина наоборот ласковое письмо получила. А от мужа своего она ласковых слов уже лет 15 не слыхивала.

Проживала княгиня Куракина в Москве и императрица, желая узнать, как письмо подменное принято будет, отправила письмо своему дяде генерал-губернатору московскому с приказом строгим:

«Я желаю знать, как письмо оное от князя Куракина, женою его княгиней Куракиной принято будет. И чтобы слово в слово твои людишки слова, ею при сём сказанные, записали верно. И ко мне сразу после того гонца шли».

Такова она была императрица Анна Ивановна....

Глава 3

Принцесса Анна Леопольдовна.

Военная кампания 1738 года не принесла русской армии никакой славы. Удачно начатый Минихом поход к Днестру, после нескольких победоносных сражений с татарами, провалился, в конце концов. За Днестр в Молдавию Миниху вторгнуться так и не удалось.

Действия фельдмаршала Ласси против Крымского ханства также окончились ничем. Ласси только взял Перекоп и, потеряв много солдат, вынужден был отойти на винтер-квартиры.

Год 1738, декабрь, 4-го дня. Санкт-Петербург.

При дворе. План новой кампании.

Императрица всероссийская Анна Ивановна принимала при дворе фельдмаршалов и генералов. Рядом с её троном стоял светлейший герцог Бирон в сиреновом бархате с серебряными галунами. Пышные букли его черного парика ниспадали на плечи фаворита.

Анна была одета торжественно в алое платье с богато украшенным бриллиантами лифом. Её голову венчала корона. Через плечо императрицы протекала голубая орденская лента, В руках она держала знаки власти самодержавной – скипетр и державу.

Фельдмаршал Бурхард Христофор Миних в полной форме и при всех орденах вертел в руках богато украшенный бриллиантами жезл фельдмаршальский. Здесь же был и фельдмаршал Петр Ласси и многие генералы.

Миних представил императрице план военной кампании на новый 1739 год.

Анна только встала после болезни и выглядела плохо. Она вся заплывла жиром и тяжело дышала. Принимать военных ей было тяжело, Анна бы с большим удовольствием полежала в постели и послушала своих шутов.

– Что у тебя там, фельдмаршал? Говори быстрее. Сам знаешь, что я еще не здорова.

– Предлагаю, матушка, в новом году главной армии идти через Польшу к крепости Хотин и действовать как конъюнктуры и неприятельские поступки движения показывать будут. А другой армии, матушка, что против Крыма и Кубани действовать станет, снова татар учить и им в том флотилия днепровская помогать станет.

– Снова ты мне про конъюнктуры толкуешь. Вспомни, как сия война начиналась. Что ты говорил тогда? Доверь, матушка, армию великому Миниху. Я доверила, а что получилось? Все победы твои ничего не стоят.

– В последний раз поверь мне, матушка. Придушу я османов в грядущем году.

Бирон тем словам ухмыльнулся. Миних то увидел, и с ненавистью посмотрел на герцога. Императрица те взгляды заметила.

– Хорошо, фельдмаршал, – сказала она. – Только на сей раз мне победы надобны, Бурхард Христофорыч! Победы!

– Я в этот раз сам голову положу в баталиях, но победу добуду! – обещал Миних.

– Сколь раз про то слыхала! Да ладно. Что за армии там стоят? С кем воевать станешь, фельдмаршал?

– Армия что против Хотина предназначена – 91 одну тысячу солдат имеет. Из числа общего 15 тысяч войск нерегулярных, матушка. При армии пушек числом 169, и из них большого калибра числом – 58.

– Береги моих солдат, фельдмаршал. Береги. И помни, ежели, не совладаешь, то от армии российской тебя отрешу навсегда. И еще одно, герцог Бирон просит братьев своих в твою армию взять. Генерал-майор Карл Бирон и бригадир Густав Бирон воевать желают за меня.

– Пусть воют ежи им охота, матушка. Только я в бою и генералов не жалею, не токмо солдат.

– Я и не просил вас их жалеть, фельдмаршал, – произнес герцог Бирон. – Матушка государыня сказала вам, что они воевать желают. И ни слова сказано не было за то, чтобы жалеть их. Миних склонил голову перед Анной.

«Что же герцог желает соглядатаев своих ко мне приставить? – подумал он. – Отлично. Я их в самое опасное место определю. Пусть там и приглядывают за мной».

Год 1738, декабрь, 8-го дня. Санкт-Петербург.

При малом дворе.

Императрица и принцесса.

Анна Леопольдовна в отличие от своей державной тетушки шутов и шутих не любила. Она скучала от их шуток и кривляния. Все это принцесса терпела лишь через силу в угоду императрице.

Шуты и шутихи же, увидев такое отношение, всячески старались молодую принцессу «уколоть» и «очернить».

Буженинова постоянно нашептывала императрице слова о неблагодарности молодой принцессы. И в восьмой день декабря 1738 года, решила она глаза императрице относительно принцессы полностью открыть:

– Она рази ценит милость твою, матушка? Рожу постоянно постную имеет. Вчерась, как ты изволила письма князя Куракина к любовнице переиначить, все со смеху помирали. Она и не улыбнулась.

– Молода она еще, куколка. Девка к замужеству готовится.

– Знамо как она к нему готовится. Да и не девка, она давно, матушка.

– Ты чего языком болтаешь? Али не знаешь, что она наследника для престола моего родить должна. Анна девка еще. Куда ей про мужиков думать?

– Матушка. Она то девка, скромная была. То верно. Да при ней особа некая обретается в любви весьма искушенная. И она из принцессы не девку сделала.

– Она? – не поняла императрица.

– Она с полюбовником принцессу свела и разным пакостям её научила.

– Кто же она такая?

– Да Юлиана Ланге, камер-юнгфера молодой принцессы. И свела она нашу, Анну с посланцем саксонским графом Линаром.

– Как свела? – не поняла императрица. – Что сие означает? Да её жених принц Антон Брауншвейгский при дворе проживает! Она что спит в одной постели с Линаром?

– И уже давно. Про то всем ведомо. Всем окромя тебя, матушка. Придворные твои али не хотят, али бояться, про то тебе сказать. А я одна сказала. Мне то чего надобно? Я ни от кого подачек не беру, матушка.

– И ты правду говоришь, куколка? Скажи, это правда?

– Да пойдем в покои принцессы. Ты и сама все увидишь.

– Идем, – Анна тяжело поднялась.

– Да предупредят её, матушка. Али не знаешь двора своего? Мошенники и воры. Всё за деньги продадут. Надобно неожиданно к ним нагрянуть.

Анна обвела глазами придворных.

– Всем здесь оставаться! И чтобы носа никто из зала не высовывал под страхом гнева моего!

Придворные склонились в поклонах. Они чувствовали грозу. Даже шуты перестали дурачиться.

– Идем. Я желаю визит принцессе нанести!

Анна пошла только с Бужениновой и Новокшеновой. Сопровождали её пять офицеров конной гвардии. Более никого она с собой не позвала.

Они быстро прошли в помещения отделенные для молодого двора. Анна сама двери властной рукой распахнула. В будуаре принцессы были трое. Сама Анна Леопольдовна, граф Морис Линар посланник короля Августа III, и камер-юнгфера Юлиана Ланге.

Принцесса сидела на коленях у графа в одном negligé и, держала в руках тарелку с виноградом. Ягодки пальчиками отщипывала и со своей руки Линара кормила.

Ланге первая заметила императрицу и вскрикнула. Она сразу вскочила со своего стула и присела в глубоком реверансе.

– Это чего здесь происходит за непотребство? – прогремела императрица. – Знать, когда я больна была, вы много воли себе взяли, ваше высочество?

Принцесса Анна подпрыгнула. Линар вскочил и также поклонился императрице.

– Вам, граф приказываю одеться и вон из моего дворца в посольский дом. И там ждать моего приказа!

Линар еще раз поклонился и стал подбирать предметы своего туалета. Юлиана Ланге ему в том помогала. И они вдвоем быстро убрались, оставив принцессу вместе с государыней. Императрица шутих и гвардейцев за дверями оставила. Дело это было семейное.

– Так-то ты ведешь себя? Я тебя наследницей престола определила. Я на тебя главную надежду положила! Мне надобен наследник трона, в твоей утробе зародившийся! Понимаешь ли, дура безмозглая?! У меня под боком Лизка сидит, и я тронуть её и пальцем не могу. Оттого что наследника дома Иванова нет. А у Петровен-то малец в Голштинии подрастает⁴! А ты хвостом метешь?

– Но государыня...

Анна стала бить принцессу по щекам.

– Подстилка продажная! Тварь неблагодарная! Ну да я разберусь с тобой. Я тебе устрою жизнь развеселую. Думала, что помирить Анна собралась? Думала, что императрица более империей не правит?

– Тетушка! – взмолилась принцесса.

– А я еще в доме своем хозяйка.

В будуар принцессы вбежал герцог Бирон.

– Анхен...

– Ты? – царица посмотрела на своего фаворита. – Ты знал про сие непотребство? Знал, Эрнест? Не отвечай! По глазам вижу, что знал! Знал и молчал!

– Анхен, не стоит тебе так сердиться. Доктора тебе то запретили. Ты еще не совсем здорова.

– И мне не доложил никто. Все знали про сие, и никто не сказал! Ну, эта дура еще молода и не понимает ничего! Кто наследника то от неё признает? Все скажут, что она от Линара понесла и кто того ребенка признает государем? Сам подумай, Эрнест!

– Но, Анхен, принцесса еще не замужем. Свадьба её с принцем Брауншвейгским только на лето будущего года назначена.

– Камер-юнгферу Ланге от двора молодой принцессы отстранить. И саму её к Ушакову, в допросную тайной канцелярии, препроводить! Ты то исполнишь, герцог. Отдай приказы необходимые! Понял ли меня?

– Да, ваше величество!

– А ты, шлюха непотребная, у меня под замком сидеть станешь.....

Год 1738, декабрь, 8-го дня. Санкт-Петербург.

⁴ Императрица имела в виду сына Анны Петровны юного герцога Петра Голштинского (будущего Петра Третьего).

При дворе. Императрица и Буженинова.

Анна вернулась к себе в гневе страшном. Даже сам герцог Бирон поспешил исполнять её приказы и в покоях государыни не появился.

Придворные притихли. Шуты разбежались по углам. И только Буженинова смело уселась рядом с креслом царицы.

– Правду ты мне молвила, куколка. Одна правду сказала. А они все молчали! Знали и молчали!

– Я, матушка, завсегда правду тебе говорю. Ты меня слушаешь, и оттого меня многие золотом соблазнить хотят.

– Золотом? Ты про что куколка? – не поняла Буженинову Анна.

– А чего понимать-то? Они хотят, дабы я тебе то, что им надобно сказывала. И многие твои шуты, матушка, воры и мздоимцы. Особливо умники твои, Балакирев, Кульковский, Лакоста, Педрилло.

– Эй! – Анна стала глазами искать названных шутов. – Где эти бездельники? Сюда их!

Шуты вышли вперед.

– Слыхали, что сказала она про вас? Али то не правда? Предаете меня, свою государыню?

– Дак чего дура, не скажет, матушка? – дерзко проговорил Ванька Балакирев.

– Что она дура, про то мне известно, Ванька. А вот твоя рожа хитрая говорит про то, что умнее государыни себя почитаешь? Думаешь, что я как Буженинова ничего не соображаю?

– Как можно, матушка? Разве умнее тебя будешь?

– Давно знаю я, что вы шуты, столь при моей особе пригретые, начали дела свои за моей спиной творить. Где чего кому надобно из придворных моих они к шутам шастают. И посулы несут им словно сенаторам! И к тебе, Ванька, первому несут. Не врет куколка! Ох, не врет!

Буженинова снова заговорила:

– Среди них один Квасник чист, матушка. Этот ни с кем тайные разговоры не ведет. Подает квас себе и все тут. А вот эти его шпыняют постоянно.

Затем она вскочила и, схватив с подноса полную кружку с пенистым квасом, её в лицо Балакиреву выплеснула. Тот закашлялся, а императрица стала смеяться.

– Молодец, куколка!

За ней стали смеяться придворные.

– Это тебе за Квасника, дурак! Понял, каково это, когда те в рожу квас выливают? – Буженинова поставила кружку на место и снова уселась подле императрицы.

Балакирев обтерся рукавом.

– И еще драть тебя прикажу на конюшне, Ванька, – проговорила императрица.

– И я могу сказать тебе, матушка, от кого шуты сии денежные подачки имеют. Педрилло около Либмана постоянно трется. И, стало быть, на твоего герцога Бирона работает. Ванька Балакирев от Волынского деньги имеет. Хотя сей плут ничем не брезгает, матушка.

Новокшенова всхлипнула.

– И даже эта дура, в чести у Ренгольда Левенвольде! – выпалила Буженинова. – С чего бы сие, матушка?

Анна подняла глаза и посмотрела на Левенвольде.

– А ты чего хочешь, обер-гофмаршал? Тебе чего не хватает? Али после смерти брата большего хочешь, чем имеешь от меня?

Левенвольде испугался и поклонился низко. Он действительно желал через Новокшенову свою тяжбу решить и на сенаторов повлиять. Но Буженинова знала и подмечала все.

Год 1738, декабрь, 12-го дня. Санкт-Петербург.

Лейба Либман просит помощи.

Лейба Либман явился к герцогу Бирону. Тот, в этот ранний час, одетый в бухарский пестрый халат, уже пил вино со своих другом Пьетро Мира. Они смеялись, говоря о недавней «баталии» у дома Пьетро.

– О! – Бирон увидел Либмана. – Наш друг банкир, который жаловался на нехватку денег! Проходи!

– Вы уже с утра пьете вино? – спросил Либман, подвигая к себе стул.

– На улице морозно. И чего не выпить? – Пьетро наполнил новый бокал и протянул его банкиру.

Тот для приличия немного отпил и поставил бокал на стол.

– Я пришел не вино пить, друзья мои. Граф Остерман желает комиссию с согласия государыни учинить по моему делу.

– По твоему делу? – спросил герцог.

– Вернее не по-моему делу, Эрнест, а по-твоему. Он желает, дабы дело с мехами и торговлей меховой было расследовано.

– С мехами? Но я ничего не смыслю в этой торговле, Лейба. Так что дело это не мое, а твое. А что ты там натворил?

– Меховая торговля в мои руки перешла, и я с того много прибыли имею. То верно. Я всю эту торговлю в свои руки взял, и немалые деньги в то вложил. И сейчас Остерман на те денежки руку наложить желает! А в сем деле и часть твоих капиталов, Петер.

– Толком говори, Лейба. Сто случилось? – спросил Пьетро.

– Я всю меховую торговлю, что в руках у продажных чиновников перебивала, под свой контроль поставил. Какие там деньги крутились, Эрнест! Такое только в России бывает. Знаешь, сколько за шкурку соболя в Архангельске дают?

– Нет. Не знаю, – сознался Бирон.

– Я тоже не знаю, – сказал Мира.

– Десять рублей! За хорошего соболя. За одного. А в Петербурге та же шкурка уже 60 рублей стоит! А в Лондоне или Амстердаме она уже 120 рублей стоит. А знаешь почему её можно у самоеда⁵ купить? За пять-десять шкурок дает купец одно топориче, коему цена в базарный день 15 копеек! А за одну фузею⁶ до 50 шкурок дают. А если то не соболя, а лиса чернубурая – то 200 шкурок. Ты хоть знаешь, Эрнест, что это за средства? С мехов соболя, песца, лисицы чернубурой, казна может иметь до полутора миллионов рублей в год. А имеет едва 300 тысяч. Отчего так? Воруют чиновники российские! И как воруют!

– И ты решил у них незаконную прибыль отобрать, Лейба?

– Дак деньги то все равно у казны воруют. А я поставил дело так, чтобы в казну попадало не как ранее 300 тысяч, а все 600 тысяч. Вот и прибыль государству Российскому! А деньги для войны потребны. Остальное же мне в карман пойти должно.

– Но что тогда Остерману не понравилось? Прибыль от меховой торговли только увеличилась.

– Я ведь не только это придумал, Эрнест. С тех мехов я еще большую прибыль получить могу.

– Большую? Это как? – спросил банкира Пьетро.

– Все меха я в Петербурге на складах придержал и продажу начал, когда цена на них подскочила.

– А всю прибыль себе в карман положил! – восхищенно проговорил Мира.

– А то куда же? Ведь я это придумал. Я! И потому прибыль от того дела принадлежит мне, – возмутился Либман, замечанию Пьетро.

⁵ Самоеды – народность на севере.

⁶ Фузея – ружье.

– И ты желаешь, чтобы я тебе помог от комиссии Остермановой избавиться? – спросил Либмана Бирон. – Хорошо. Зайду к императрице. И скажу ей, что нам такой человек как Либман надобен и потому от суда его надобно освободить!

Бирон оделся в нарядный красный кафтан. Надел орденскую ленту и взял шпагу с бриллиантами. Бороться с Остерманом дело сложное. Вице-канцлер империи был умен и хитер.

Он подал императрице жалобу на Лейбу Либмана в которой указал, что тот доходы государственных с торговли мехами, которая были издавна прерогативой государства, в свой карман перенаправил. Обвинение было серьезное. Но бил Остерман не по Либману, а по стоящему за ним Бирону.

Анна приняла герцога в спальне. Её только что осмотрели лейб-медики и отметили улучшение её состояния.

– Знаю, зачем пришел, герцог, – проговорила Анна. – Читала я донос графа Остермана на Либмана твоего. Он вор, и наказания за свое воровство достоин! Меховую торговлю издана наши предки охраняли еще от Ивана Грозного!

– Анхен, но Либман мой человек.

– И что с того? Его и наказывать за воровство нельзя? Так что ли?

– Но Либман увеличил доходы империи! Он нашел нам деньги на войну. Он много раз помогал государству. А что до воров, Анхен, то все твои русские чиновники воры! Посмотри на них! И ежели каждого судить, то Россия без чиновников останется. А Остерман не против Либмана удар свой направил! Он на меня нацелен! Или я стал неугоден, государыня? Тогда я должен сегодня же отбыть на Митаву! И готов перед тобой жезл обер-камергера хоть сейчас положить.

– И корону готов положить, Эрнест?

– Корону герцога я подучил из рук дворянства курдяндского, ваше величество. Но если разговор пошел в таком тоне, то....

Анна боялась потерять Бирона и потому сразу сдалась.

– Ладно! Заголосил, словно баба! Не стану я твоего Либмана трогать! Пусть живет! Но в казну должен он 200 тысяч рублей положить! Мне деньги на армию Миниха надобны.

– То будет исполнено, Анхен. Но могу я сказать ему, что дело его ...

– Можешь! Я дала слово. А слово императрицы дорогого стоит! А вот ты своего слова не держишь, герцог.

– Что ты говоришь, Анхен?

– А то и говорю, Эрнест. Я одна. Все меня бросили. Пока болела многие уже решили, что к молодому двору стоит переметнуться. Да и у Лизки цесаревны гостей за последнее время прибавилось. Понимаешь про что я?

– Нет, не понимаю тебя, Анхен.

– А кто к Лизке ездил? Не ты? – с укоризной спросила царица.

– Анхен, мой визит к цесаревне был продиктован государственной необходимостью. Я верен тебе, государыня. Кто я без тебя? Потому на мою руку ты всегда рассчитывать можешь. Меня русские без тебя сожрут с потрохами.

– И потому тебе больше о делах стоит думать. Ведь я больна, Эрнест.

– Но ты поправилась, Анхен. Доктора говорят, что твое здоровье стало лучше.

– Оно так, но надолго ли сие? Много ли проживу еще на свете, Эрнест? Может уже скоро призовет меня господь....

Год 1739, январь, 15 дня. Санкт-Петербург.

Трактир у «Старого шхипера».

Эрнест Иоганн Бирен и Пьетро Мира вышли на улицы города. Одеты они были скромно в серые незаметные подбитые мехом плащи и шапки из лисьего меха.

– Снова отправимся к «Старому шхиперу», Эрнест?

– Да. К этому трактиру я за много лет привык.

– А может, пойдем куда-нибудь еще? – предложил Пьетро Мира. – Мало ли мест в Петербурге? Что-то у меня на душе сегодня тревожно.

– Да, брось, Петер. Кто нас опознает в таких то нарядах? Мы с тобой словно чиновники мелкого пошиба.

– Но о твоих врагах забывать не стоит, Эрнест. Много кто желает избавиться от тебя в России.

– Да, Они твердо выбрали себе объект ненависти – герцога Бирона. Хотя в последнее время с легкой руки Остермана многие поминают и тебя и Лейбу Либмана. Особенно последнего.

– Ну, ему можно и потерпеть, Эрнест. Либман столько заработал на мехах что ему грех жаловаться. А фон Штемберг сколько в карман нашего еврея положил за последний год?

– Зависть – худший из пороков, – произнес Бирон. – Однако какой сегодня морозный день, Петер.

– Вон уже и наш трактир показался, Эрнест. Выпьем водки и согреемся.

– Сейчас самое время выпить. Я в такую погоду начинаю понимать страсть русских к сему напитку.

В трактире в тот день было полно народу, и новые посетители едва протолкались сквозь толпу. Хорошо еще, что хозяин трактира Клаус Шпигель опознал новых гостей и быстро посадил их за небольшой столик в дальнем темном углу.

– Сегодня у меня там много народа, господа. Но для вас всегда найдется местечко. Водочки с морозца?

– Водки неси, и что там у тебя есть из еды! Все неси! – приказал Пьетро.

– И верно. Я не отказался бы хорошо поесть, – поддержал шута герцог.

– Сейчас все будет!

Скоро Бирон и Мира уже выпили по первой и стали разговаривать. Герцог рассказал о том, как помог Либману выкрутиться.

– Остерман зеленый от злости ходит. Так хотел он через Лейбу на меня выйти. Стал я нашему вице-канцлеру как кость поперек горла. Он, видите ли, не терпит, когда кто-то вмешивается в дела управления государством.

– Но ты не сильно-то в эти дела и вмешиваешься, Эрнест.

– Да, но за меня это делают Либман, фон Штемберг, барон фон Ливен, барон фон Корф и другие.

– А скажи мне по правде, Эрнест, тебе не бывает страшно?

– Бывает. Как подумаю, что императрица умереть может, и сразу страшно становится. Эти русские тогда меня на части разорвут. Только Анна – моя защита. Она и есть та стена, за которой я могу от любых врагов спрятаться.

– А как думаешь, кто после неё править Россией станет?

– Это опасный вопрос, Петер. За такие слова можно и в застенки к Ушакову угодить, – с улыбкой сказал Бирон, и они снова выпили.

– Но все-таки? Неужели ты веришь, что трон перейдет к Анне Леопольдовне?

– Если она родит престолу наследника, то все может так и быть, Петер. За это стоит Остерман, хоть и враг, но в сем деле мы с ним едины. Для него крайне важен этот еще не родившийся наследник трона.

– А если родится девочка?

– Тогда не жди добра, Петер. Ибо у петровых потомков наследник мужского пола имеется принц Петр Ульрих Голштинский, сын цесаревны Анны Петровны. И тогда трон может достаться Елизавете, которая наследником этого ребенка и сделает. Потому Анна Леопольдовна должна родить мальчика.

– Дай то бог! Популярность Елизаветы велика.

– Да. Я вот недавно разговаривал с ней. Она такая красавица и так умеет очаровывать мужчин.

– Эрнест! Уж не влюбился ли ты в Елизавету? – Мира снова наполнил стаканы.

– А что? – Бирон посмотрел на шута.

– Да ничего, но она дочь Петра Великого.

– Но мне она нравится как женщина. И если бы она только поманила меня – я бы пошел. И сие было бы не таким уж и дурным шагом.

– Ты что Эрнест. Не дай бог, Анна узнает про такие твои мысли. Императрица ревнива.

– Еще как ревнива, Петер. А что говорят в вашей кувыр коллегии?

– Что и везде. Шуты грызутся за милости императрицы не хуже придворных. Но в большом фаворе пока одна Буженинова. Её императрица слушает всегда. А после того как она глаза царице на Анну Леопольдовну открыла, её положение еще больше укрепилось.

– И многие хотят Буженинову к себе заполучить в союзницы? Так?

– Именно так, Эрнест! Но Буженинова ни от кого таких подачек не берет. Её слабое место это желание выйти замуж. И она себе уже и жениха приискала. Это не кто иной как шут Квасник, в прошлом князь Голицын.

– Отчего в прошлом? Он до сих пор князь, Петер. Это тебе не Франция, где один раз унизившись, более не поднимешься. В России и не такое бывает. Так что наш Голицын еще свое возьмет. И Буженинова совсем не дура, что Квасника-Голицына обхаживает. Денег она уже на службе шутовской скопила. А теперь вот княжеский титул ей светит.

– Но пойдет ли императрица на то чтобы их поженить?

– Кто знает, Петер? На такой вопрос сразу ответить сложно.

За соседним столиком пили офицеры гвардии. Они матерно ругались и голоса их становились все громче и громче. Один из них, капитан в семеновском мундире со шрамом на лице вдруг выкрикнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.